

Русификация

Изображение Янисом Гресте школы в Пскове «Как живот Дрозда» (Kā dzeņa vēders) Конец XIX века

Борис Инфантьев

«Вот так школа была (в Пскове)! Один учитель пьяный в классе лег и просит у учеников двадцать копеек, второй давал уроки почти с десятью школьниками на коленях, третий — немножко умалишенный. Учитель пения был таким, что его уроки были балаганом, где мы чего только не проворачивали. Чему здесь можно было научиться? Мой диплом городского училища был не весомее пятиклассного курса теперешней основной школы, несмотря на награды и почетные грамоты с золотыми буквами».

Петербургский педагогический институт:

«Ну и упрямый. Чистое латышское упорство! Директор Яков Николаевич Наумов, действительный статский советник. Старый директор — типичный добродушный русский старичок. Что на его месте делал бы со мной латыш? Делал бы он со мною какие-либо церемонии?»

Учитель музыки о семинаристах: «порхающие бегемоты с телячьим восторгом».

В Псковском сумасшедшем доме:

«Поп сидит, как деревянный божок, и прямо уставился в одну точку стены. Юродивый Лешенька носит дрова: «Маня хороша, Таня не хороша, дай папиросоцку!»» Директор Горошков сразу раскурил болезнь Гресте. Тем не менее, интенсивно лечил его. Гресте: «Мне в жизни приходилось встречаться с чудесными русскими, настоящими людьми».

Петербургская коммерческая школа, 1909 год:

«Меценат Степан Петрович Елисеев давал деньги на организацию школы. Одиньш представлял его к ордену и медалям».

Голодные годы:

«В Москве тогда я поел так вкусно, что трудно на моем веку такое радостное мгновение помнить. В одной погребной квартире у крана размачивал сухари и ел с таким аппетитом, как никогда ни одного индюка. Это наслаждение сухарями я никогда не забуду.

В деревне Анне Петровне я ногу вылечил, Сидорову — руку, и так далее. Заработал картофелину, штоф молока, крупу. Так тянули жизнь. От одного заимствовал лопату, от другого — старое дырявое ведро. Местные жители немало удивлялись, когда я с дырявым ведром ходил по деревне — собирал навоз.

Была одна ленивая семейка: отец, мать, сын, дочь. Весной спрашиваю: «Все съедено, семян нет. Ничего не будем сеять». — «Так разве пустыми останетесь?» — «Нет у меня ни лошади, ни семян. Поедем за хлебом на юг». Я выпросил за услуги прошлогоднее картофельное поле. Посмеялись: пусть берет, все равно пустым стоит. Начал копать и нахожу по картофелине, ведь не было тщательно выкопано. Иногда отец с сыном сидели там же на краю поля на камнях, курили, разговаривали. Когда у меня какая-нибудь картофелина выпадала и я ее не замечал, старик пальцем указывал или сплевывал в ту сторону. Не поднимались из-за такого пустяка. Однажды молодой бросил окурок в сторону картофелины, которую я не видел. Я спросил, почему они не разроют хотя бы маленький кусочек и не поищут семян? — «Ерунда все это, не стоит мучиться».

Такого удивительного работника они не выдвигали. Лечить умеет, умный вроде, но собирает вместе все то, что мужику не пригодно».